

МУНИРА ВАГИНА

НАСТОЯЩИЕ
ЧУВСТВА
ВСЕГДА
НАХОДЯТ ТЕБЯ

Любовь
БЕЗ ПРИТВОРСТВА

— ♥ —
СОВРЕМЕННЫЙ ЛЮБОВНОЙ РОМАН

18+

Мунира Вагина

ЛЮБОВЬ БЕЗ ПРИТВОРСТВА

«Автор»

2026

Вагина М.

ЛЮБОВЬ БЕЗ ПРИТВОРСТВА / М. Вагина — «Автор», 2026

Вера всю жизнь старалась быть идеальной: удобной, тихой, незаменимой. И каждый раз мужчины уходили, оставляя после себя чашку остывшего чая и вопрос в её голове: «Что со мной не так?» В доме тёти Лидии — женщины с острым языком и сорока двумя годами брака за плечами, у Веры впервые возникает простая, но страшная для себя мысль: если всё время заслуживать любовь, однажды можно исчезнуть из собственной жизни. Кажется, теперь всё может быть иначе. Но прошлое возвращается вместе с Павлом, а старые страхи оказываются сильнее, чем Вера думала. «Любовь без притворства» — история о доверии, выборе и близости без масок. О женщине, которая должна понять главное: любовь начинается не тогда, когда тебя наконец выбирают, а когда ты перестаёшь предавать себя.

© Вагина М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА 1. Остывший чай	5
ГЛАВА 2. Дом у тихой реки	10
Конец ознакомительного фрагмента.	14

ЛЮБОВЬ БЕЗ ПРИТВОРСТВА

ГЛАВА 1. Остывший чай

Чай Вера заварила слишком рано. Павел ещё собирал в спальне свои вещи, а она уже вынула из буфета две чашки, срезала с лимона тонкую шкурку — он не любил горечь — и поставила на стол мёд. Только потом вспомнила, что пить чай они не собирались.

Из комнаты донёсся металлический стук. Наверное, пряжка ремня ударилась о ножку кровати.

— Зарядку не видела? — спросил он.

Вера знала, где лежит зарядка. В верхнем ящике комода, справа, рядом с запасными очками. Она сама убрала её туда вчера, когда протирала пыль. Можно было ответить из кухни, но Вера пошла и достала.

Павел стоял перед раскрытой сумкой. Рубашки он сложил плохо: рукав голубой попал под застёжку. Ей пришлось сжать пальцы, чтобы не поправить.

— Спасибо, — сказал он.

Она протянула провод.

В эту минуту ей особенно захотелось, чтобы он передумал. Не потому, что она вдруг увидела в его лице что-то незаменимое. Просто он был здесь: тяжёлый, знакомый, в носках с истончившимися пятками. Его можно было коснуться. Через десять минут он уйдёт, и придётся как-то перенести остаток вечера, потом ночь, потом утро, когда зазвонит будильник.

— Я чай сделала.

Павел посмотрел в сторону кухни.

— Вер, мне пора.

Она кивнула так быстро, будто он извинился за небольшое опоздание.

Разговор закончился час назад. Начался он с того, что Павел не снял куртку. Сел на край табурета, расстегнул молнию до середины и сказал, что больше не может.

Сначала Вера подумала: заболел. У него уже неделю болела спина, а к врачу он идти отказывался. Она даже открыла рот, чтобы предложить записать его на приём.

Но он сказал:

— Нам надо разойтись.

Дальше были слова, которые она слышала с такой ясностью, словно их произносили ей прямо в ухо: «нечестно», «давно», «не хочу тянуть». Потом ясность пропала. Она смотрела на тёмный полукруг воды под его ботинком и думала, что сегодня вымыла пол.

— У тебя кто-то есть?

Он потёр лоб.

— Нет.

Вера не знала, правда ли это. У неё не было сил проверять.

— Тогда что случилось?

— Ничего не случилось. Вот именно.

Он говорил устало, не повышая голоса, и от этого нельзя было ухватиться хотя бы за грубость. Не было ни оскорбления, ни признания, после которого можно бросить чашку и перестать быть вежливой.

— Ты хорошая, — сказал Павел. — Очень. Я всё понимаю.

Она ждала продолжения. Хорошая — и что? Слишком тихо ходит? Слишком вовремя покупает хлеб? Недостаточно смеётся, слишком много спрашивает, неправильно обнимает?

— Я не хочу больше жить вместе.

Последнюю фразу он произнёс, глядя на неё. Вера запомнила это и теперь почему-то была ему за взгляд благодарна.

В прихожей Павел опустил сумку на пол и стал обуваться. Она сняла с крючка его шарф.

— На улице холодно.

— Я знаю.

— Ты вчера кашлял.

Он выпрямился, взял шарф, но на шею не намотал.

Вера увидела себя со стороны: женщина провожает мужчину, который только что от неё отказался, и проверяет, достаточно ли тепло он одет. Увидела — и всё равно чуть не спросила, взял ли он таблетки для горла.

Павел достал ключи. Отцепить нужный от тугого кольца не получалось. Он ковырял ногтем металлический виток, морщился, и эта заминка оказалась мучительнее всего разговора.

— Потом отдашь, — сказала она.

— Лучше сейчас.

Ключ лёг на тумбочку рядом с щёткой для обуви.

— Остальное на неделе заберу. Позвоню сначала.

— Хорошо.

Он обнял её одной рукой. Сумку держал другой. Вера прижалась щекой к холодной ткани куртки и успела узнать запах улицы, табака и его одеколона. Потом он отступил.

Дверь закрылась негромко.

Она постояла, прислушиваясь. За стеной загудел лифт, на площадке кто-то загремел мусорным ведром. Вера повернула замок, хотя ещё минуту назад ей казалось, что этим она сама сделает его уход окончательным.

На кухне ждали две чашки.

Лимон лежал на блюде аккуратным жёлтым веером. Мёд Павел любил только жидкий, и утром она прогрела банку в тёплой воде. Вера потрогала стекло. Уже остыло.

Пить не хотелось. Есть тоже.

В духовке стояла рыба с овощами. Он должен был прийти к семи, и она рассчитала всё так, чтобы ужин был готов ровно к его возвращению. Днём специально зашла в другой магазин: в ближайшем филе продавали с костями. Теперь от запаха печёного лука подступала тошнота.

Она выключила духовку и открыла окно.

Во дворе мальчик тянул за собой самокат. Колесо застряло в мокром снегу, мальчик дёргал руль, а женщина рядом терпеливо ждала, держа под мышкой большой картонный лист. Наверное, поделка из школы. Они стояли под фонарём, совершенно занятые своим колесом, и Вере стало завидно до злости.

Телефон лежал возле сахарницы. Она взяла его, открыла переписку с Павлом.

Последнее сообщение отправила сама: «Возьми хлеб, пожалуйста. Если не успеешь, ничего страшного».

Он ответил: «Хорошо».

Хлеба в прихожей не было.

Вера набрала: «Ты доехал?» — и долго смотрела на эти два слова. Она даже после его ухода собиралась продолжать вечер как положено: побеспокоиться, пожелать спокойной ночи, не мешать лишними вопросами.

Она стёрла сообщение.

Чай оказался противным, терпким. Вера сделала глоток стоя, проглотила с усилием. Она не любила такой крепкий, но за два года привыкла заваривать покрепче, а себе доливать кипятка. Почему-то отдельный чайник ей ни разу не пришлось в голову поставить. Это было бы хлопотно. Смешно — устраивать сложности из-за чая.

Впрочем, у Павла она и не спрашивала, будет ли ему мешать второй чайник.

Вера поставила чашку в раковину. На белой стенке осталась коричневая полоса.

Теперь можно было расплакаться. Никто не увидит красного носа, опухших век, некрасивого рта. Но слёз не было. Хотелось делать понятные вещи: убрать рыбу в холодильник, вытереть стол, сложить полотенца.

Она открыла шкаф под мойкой, достала тряпку и замерла.

В прошлый раз тоже убирала.

Тогда был Олег, три года назад. Он уехал в субботу, а к вечеру она вымыла окна. В ноябре. Стояла на подоконнике с дрожащими ногами, протирала углы рамы зубной щёткой и сердилась на чёрные пятнышки, которые никак не оттирались.

До Олега был Андрей. После него Вера разбирала крупы: пересыпала гречку и рис в одинаковые банки, подписывала крышки. Ей казалось, что порядок немного поможет. И помогал — пока было чем занять руки.

Она швырнула тряпку обратно.

— Да сколько же можно, — сказала вслух.

Получилось негромко, почти буднично.

Вера прошла в спальню. На кровати остался прямоугольник примятого покрывала, где лежала сумка. Из шкафа исчезли тёмные рубашки, и сразу стало видно заднюю стенку. Она всегда жаловалась, что не хватает места. Теперь хватало.

На полке лежал его старый свитер. Павел забыл его или оставил нарочно: локоть протёрся, ворот растянулся. Вера прижала свитер к груди, потом резко положила обратно. Ей стало стыдно, хотя никто не смотрел.

На прикроватном столике стоял крем, которым она мазала руки перед сном. Запаха почти не было — Павел от сладких запахов чихал. Прежний, с миндалём, Вера отнесла на работу. Рядом лежала книга о путешествиях по северу. Она читала её медленно, по вечерам, чтобы понимать, о чём он рассказывает. Саму Веру север не тянул: она мёрзла даже летом, а отпуск мечтала провести в тёплом городе, где можно ходить по музеям и сидеть на улице допоздна.

Она села на край кровати.

Ничего ужасного Павел не требовал. Не запрещал духи, не отбирал книги, не заставлял готовить. Он однажды сказал, что любит домашнюю еду, — и Вера стала торопиться с работы. Заметил, что по воскресеньям ему хочется тишины, — она перестала приглашать подруг. Рассказал, как хорошо спит под открытым окном, — у неё появилась вторая пижама, тёплая, с длинными рукавами.

Каждая уступка была маленькой. Её можно было объяснить, оправдать, даже предъявить как доказательство нежности. Только теперь Вера не могла вспомнить, когда в последний раз воскресенье проходило так, как хотелось ей.

Зато он иногда спрашивал:

— Ты чего хочешь?

И она отвечала:

— Мне всё равно. Выбирай.

Не потому, что действительно было всё равно. Она старалась угадать правильный ответ раньше, чем он успеет огорчиться неправильному.

В тридцать пять лет Вера умела приготовить утку так, чтобы мясо не пересохло. Знала, когда лучше промолчать, а когда спросить о работе. Могла за вечер прочесть длинную статью о предмете, который её совершенно не занимал, если завтра предстоял ужин с его друзьями. У неё всегда находились чистая рубашка, запасная зубная щётка, нужное слово.

И всё равно сейчас она сидела одна среди вещей, подобранных для жизни вдвоём.

Мысль была такая обидная, что наконец потекли слёзы. Без всхлипываний: просто закали на руки. Вера полезла в карман за платком, не нашла и вытерла лицо рукавом.

В сумочке зазвонил телефон.

Она встала слишком быстро, ударилась коленом о кровать. Пока бежала в кухню, успела представить: забыл что-то важное, вернётся, они снова поговорят.

Звонили из службы доставки. Предлагали оценить прошлый заказ.

Вера отказалась так резко, что потом несколько секунд смотрела на погасший экран, будто должна была извиниться и перед ним.

В перечне недавних звонков было имя тётки.

Лидия звонила во вторник, спрашивала, приедут ли они на выходные. Вера сказала, что у Павла много работы. На самом деле не спрашивала его. Ей показалось, что он не захочет тратить субботу на дорогу, и она заранее избавила его от необходимости отказывать.

Тётка тогда помолчала и спросила:

— А ты?

— Что я?

— Ты приедешь?

Вера обещала подумать.

Теперь она нажала на имя.

Лидия ответила не сразу. В трубке что-то зашуршало, потом послышалось сердитое:

— Да погоди ты, сейчас открою.

— Тётъ Лид?

— Верочка? Это я коту. Стоит под дверью, требует, а сам только что просился обратно.

Ты ужинала?

От этого вопроса Вера снова заплакала.

— Что такое? — Голос тётки изменился. — Ты дома?

— Да.

— Заболела?

— Нет. Павел ушёл.

Лидия молчала. Не переспросила куда, не стала торопливо утешать.

— Совсем, — добавила Вера.

Из трубки донёсся скрип, будто тётка придвинула стул и села.

— Понятно.

— Можно я к тебе приеду?

— Конечно.

— Завтра. У меня два дня отгула осталось. Я договорюсь.

— Приезжай.

Вера провела пальцем по влажному краю стола.

— Я не понимаю, что со мной не так.

— Об этом поговорим, когда приедешь.

— Только не говори, что я найду лучше.

— Не стану.

— И что он дурак.

— Я его мало знаю, чтобы так говорить.

Вера неожиданно коротко рассмеялась и сразу вытерла нос ладонью.

Сорок два года Лидия прожила с дядей Мишей. Они спорили о деньгах, о пересоленных огурцах, о том, надо ли выбрасывать старое кресло. Тётка могла сказать ему: «Не мешай, я устала», — и он не уходил навсегда. В детстве Вера не замечала в этом ничего удивительного. Теперь ей хотелось знать, как такое получается.

— Я всё делала, — сказала она. — Правда.

— Верю.

— А он всё равно.

Лидия вздохнула.

— Ты сейчас хоть немного поешь. Не надо ничего готовить. Что найдётся.

После звонка Вера положила рыбу в тарелку. Ела холодную, сидя у открытого окна, пока не почувствовала, что замёрзли ноги. Потом закрыла створку, написала начальнице и достала небольшую дорожную сумку.

В шкафу долго искала тёплую кофту. Сначала вытащила ту, которую подарил Павел, тонкую, светло-серую, потом убрала обратно. Нашлась старая зелёная, с деревянными пуговицами. Лидия наверняка опять скажет, что она ей идёт.

Вера купила билет на утренний поезд и поставила будильник.

Ей пока хотелось простого ответа: вот здесь ошиблась, этого не учла, так больше не делай. Она была готова слушать, запоминать, даже записывать. Лишь бы не проходить снова через этот вечер.

Перед сном она вернулась на кухню. Вылила чай из обеих чашек, собрала подсохший лимон. Банку мёда закрыть не удалось: крышка прилипла к пальцам, съехала набок.

Обычно Вера вымыла бы всё сразу.

Теперь она оставила банку возле раковины и пошла спать.

ГЛАВА 2. Дом у тихой реки

К дому Лидии Вера приехала под вечер, когда река уже переставала блестеть и становилась похожей на длинную полосу потемневшего металла. Автобус высадил её у старого моста, возле покосившегося указателя, на котором белая краска держалась только в углублениях букв. Дальше нужно было идти пешком: мимо заброшенного сада, вдоль низкого забора, за которым чернели стебли прошлогоднего укропа, потом свернуть к воде.

Вера несла небольшую дорожную сумку, хотя тётка по телефону велела ничего с собой не брать.

— У меня всё есть, — сказала Лидия. — Даже тапочки твоего размера. Ты в них когда-то ходила, когда приезжала после школы.

Вера тогда ответила, что не помнит никаких тапочек. Лидия засмеялась:

— Конечно, не помнишь. Ты вообще помнишь только то, что собиралась забыть.

Сейчас эта фраза казалась Вере неуместной и даже немного жестокой. После расставания ей не хотелось, чтобы её поддевали. Она ждала сочувствия, горячего чая, осторожных вопросов и, может быть, нескольких правильных слов, которые объяснили бы, почему всё опять закончилось одинаково.

Дом показался за старыми яблонями. Небольшой, деревянный, с голубыми ставнями и крышей, покрытой тёмным мхом. У крыльца стояли две оцинкованные вёдра, в одном плавали дождевые черви, в другом — прижатая камнем тряпка. От стены пахло сухим деревом, дымом и чем-то сладким, давно знакомым. Вера остановилась у калитки и вдруг почувствовала себя девочкой, которую отправили к родственникам на всё лето.

Тогда в доме ещё жил дядя Миша. Он ходил медленно, с лёгкой сутулостью, носил рубашки, застёгнутые на все пуговицы, и каждое утро точил нож о старый брусок. Вера помнила звук: короткий, размеренный, будто в кухне кто-то шептал зубами. Дядя почти не разговаривал, но всегда пододвигал ей к тарелке самый румяный кусок пирога.

Михаила не стало семь лет назад. Лидия после похорон осталась в доме одна, хотя дети и племянники уговаривали её перебраться в город. Она отказалась.

— Я здесь его встретила, — сказала она. — Здесь и поживу, пока не надоест.

Никому не надоело ждать, когда ей надоест.

Вера толкнула калитку. Петля отозвалась скрипом. Почти сразу дверь распахнулась, словно Лидия стояла за ней и следила за дорогой.

— Ну наконец-то, — сказала она. — Я уже решила, что ты передумала и вернулась к своему страдальцу.

— Он мне не страдалец.

— Тогда почему ты плакала в трубку так, будто он умер?

Лидия была в тёмной шерстяной кофте и длинной юбке. Волосы, когда-то совершенно седые, она собирала на затылке, закалывая деревянной шпилькой. Лицо у неё стало меньше, резче, но глаза оставались живыми и внимательными. В них не было ни жалости, ни любопытства — только привычка видеть человека целиком, даже если тот очень старательно показывал одну сторону.

Вера поставила сумку на крыльцо.

— Я не плакала.

— Разумеется. Это, должно быть, телефон намок.

— Тётя, я устала.

— Вижу. Заходи.

В прихожей было прохладно. На стене висели старые пальто, пахнувшие нафталином, сушёными травами и речной сыростью. Лидия забрала у Веры куртку, повесила её на крючок и поставила сумку под лавку.

— Я сама донесу.

— Ты уже донесла до дома. Дальше пусть постоит.

Вера хотела возразить, но промолчала. В этом доме всё было так, как прежде: скрипучая лавка, медная тарелка для ключей, небольшое зеркало в деревянной раме. Только отражение изменилось. Под глазами залегли тени, губы казались слишком бледными, а волосы, которые утром она уложила с особенной тщательностью, к вечеру распались на тонкие пряди.

Лидия заметила её взгляд.

— Не разглядывай себя. У зеркал память плохая.

— В смысле?

— Они запоминают только то, как ты себя оцениваешь. Если стоишь перед ним с ненавистью, потом всю жизнь будут показывать тебе одну и ту же несчастную физиономию.

— Утешила.

— Я ещё не начинала.

На кухне гудел старый холодильник. На плите стояла кастрюля, рядом остывала чугунная сковорода с пирогом. Стол был накрыт белой клеёнкой с выцветшими зелёными яблоками. Лидия поставила на него чашку, налила чай и придвинула блюдо с вареньем.

— Ешь.

— Я не голодна.

— Тогда посиди рядом с едой. Иногда организм сам понимает, что ты врёшь.

Вера села. Лидия отрезала пирог и положила кусок на тарелку. Начинка была из капусты и яйца, края теста подрумянились, но в середине оно осталось мягким. Вера взяла вилку, отломала маленький кусок.

— Как ты? — спросила Лидия.

— Нормально.

— Это не ответ.

— А какой нужен?

— Настоящий.

Вера положила вилку.

Ей хотелось заранее подготовить разговор. По дороге она несколько раз перебирала фразы, которые могла бы сказать. «Я не понимаю, почему со мной так происходит». «Наверное, я выбираю не тех мужчин». «Может быть, я слишком требовательная». «Я ведь делаю всё, чтобы человеку было хорошо». Каждая фраза казалась разумной, если произносить её про себя. Вслух они звучали бы жалко.

— Он ушёл, — сказала Вера. — Вот и всё.

— Сам сказал?

— Конечно. Разве люди уходят по чужому распоряжению?

— Иногда их выносят.

— Тётя.

— Что тётя? Сама говоришь: «Вот и всё». А на самом деле ничего не всё. Если бы было всё, ты бы не приехала.

Вера отпила чай. Он оказался крепким и терпким, с запахом сушёной мяты. Она почувствовала, как тепло спускается в грудь, но легче не стало.

— Я не собираюсь разбирать каждую деталь, — сказала она. — Мне просто нужно немного побыть здесь.

— Поживи.

— Правда можно?

— Я для чего тебя звала?

— Ты не звала. Я сама попросилась.

— Тем более. Гость, который приходит без приглашения, обычно остаётся надолго. Иначе зачем было приходить?

Вера усмехнулась, хотя не хотела.

За окном темнела река. Ветки яблонь царапали стекло. Где-то у соседей хлопнула дверь, потом залаяла собака и быстро замолчала, будто сама себе запретила продолжать. В доме было так тихо, что слышно было, как остывает плита.

— Ты знаешь, что он сказал перед уходом? — спросила Вера.

Лидия не ответила. Она убирала со стола крошки ладонью, собирая их в одну кучку.

— Сказал: «Ты слишком хорошая». Представляешь? Так и сказал. Без злости, без объяснений. Будто это должно меня утешить.

— А ты что ответила?

— Ничего.

— Почему?

— Не знала, что отвечают на такую глупость.

— Можно было сказать: «Спасибо, старалась».

Вера посмотрела на тётку.

— Ты всегда шутишь, когда человеку больно?

— Нет. Иногда я молчу. Но ты и так достаточно помолчала за всю жизнь.

Эти слова попали точнее, чем Вера ожидала. Она отодвинула тарелку.

— Я не понимаю, что от меня хотят.

— Кто?

— Мужчины. Один говорит, что я холодная. Другой — что слишком много требую. Третий уверяет, что я идеальная, но ему нужно другое. А этот сказал, что я слишком хорошая. Как будто всё дело во мне.

— А ты сама чего хочешь?

Вера подняла глаза.

— Я сейчас не о себе спрашиваю.

— Я поняла. Поэтому и отвечаю о тебе.

— Мне нужен нормальный человек.

— Это не желание, а объявление на столбе. Что значит «нормальный»?

— Чтобы не лгал. Чтобы не исчезал. Чтобы уважал меня.

— Хорошо. Ещё?

— Чтобы любил.

— Как?

Вера нахмурилась.

— Что значит «как»?

— Как он должен тебя любить? Звонить каждый час? Всегда соглашаться? Восхищаться твоими пирогами? Не замечать, когда ты злишься? Говорить, что ты права, даже если ты не права?

— Я не говорила, что хочу этого.

— Но ты хочешь, чтобы он был удобным?

Вера почувствовала, как внутри поднимается раздражение. Она приехала сюда не для того, чтобы её допрашивали. Лидия прожила с мужем сорок два года, и Вере казалось, что за это время она должна была узнать что-то существенное. Не рассуждения о желаниях и границах, не разговоры о том, что каждый человек сам отвечает за свою жизнь, а конкретный способ удержать любовь рядом.

Вера видела, как дядя Миша утром молча ставил перед Лидией чашку, как вечером чинил её старое пальто, как на зиму складывал в сарае дрова ровными рядами. Видела, как Лидия сердилась на него за привычку бросать газету на столе и как он, не споря, всё равно оставлял её там на следующий день. В этом было что-то прочное, почти недоступное. Разве не существовало правила, благодаря которому люди оставались вместе?

— Я хочу, чтобы рядом со мной человек не уставал от меня, — сказала Вера.

— От тебя можно устать. От любого можно устать.

— Спасибо.

— Я не говорю, что ты невыносима. Я говорю, что любовь не отменяет усталости. Иногда человек раздражён, иногда ему хочется тишины, иногда он не знает, что сказать. Вопрос не в том, чтобы никогда не устать. Вопрос в том, что вы делаете после.

Вера отвернулась к окну.

— Я всё делала.

— Вот это и подозрительно.

— Что?

— Ты всё время повторяешь: «Я всё делала». Готовила, убирала, слушала, подстраивалась, не спорила. Словно жила рядом с мужчинами не как человек, а как хорошо обученная прислуга.

— Я заботилась.

— Заботилась или старалась, чтобы тебя не бросили?

Вера резко поставила чашку на стол. Чай плеснул на клеёнку и растёкся коричневым пятном между зелёными яблоками.

— Ты ничего не знаешь.

— Я знаю тебя с детства.

— Значит, знаешь, что я не хочу никого удерживать. Я хочу, чтобы меня любили.

— Это разные вещи?

— Конечно.

— Тогда ответь: кого ты сама готова любить?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.